

Цзинь Шуань усадил его в машину и отвез до дома. Он спросил, есть ли у него ключи, но, не получив ответа, несколько раз позвонил в дверь, однако никто не открыл. Цзинь Шуань вздохнул:

— Позвони брату, может, он сможет тебя забрать?

— Не может, — Хань Чжоу, прислонившись к стене, икнул и начал сползать вниз. — У меня есть ключи.

Цзинь Шуань подошел, чтобы поддержать его, и Хань Чжоу тут же упал к нему в объятия. Он прошептал Цзинь Шуаню на ухо:

— Ключи... в моем внутреннем кармане... в кошельке.

Они сидели на холодном полу коридора, и шепот Хань Чжоу, хриплый и невнятный, доносился до ушей Цзинь Шуаня, а его дыхание, пахнущее алкоголем, касалось шеи. Сердце Цзинь Шуаня сразу же забило чаще. Он отклонил голову в сторону, стараясь не прикасаться к нему, затем протянул руку, чтобы раскрыть его пальто и заглянуть во внутренний карман.

Карман все еще хранил тепло тела Хань Чжоу, но внутри не было ни кошелька, ни ключей. Цзинь Шуань с сожалением убрал руку, застегнул ему пальто и спросил:

— Ты, может, кошелек в караоке оставил?

— У Линьлинь, — Хань Чжоу был в полной растерянности, смутно вспоминая, как Линьлинь, увидев его переписку в WeChat, в ужасе схватила его кошелек и убежала.

А в коридоре караоке Линьлинь, вероятно, хотела передать кошелек Цзинь Шуаню, но ничего не подозревающий Лу Е остановил ее.

Цзинь Шуань усмехнулся, кивнул и, взяв Хань Чжоу на спину, пошел вниз.

В машине Цзинь Шуаня играла в основном музыка с налетом старины. Хань Чжоу услышал, как в ушах разлился ленивый напев Lana Del Rey:

Blue hydrangea, cold cash, divine,

Cashmere, cologne and white sunshine.

Red racing cars, sunset in vine,

The kids were young and pretty.

Where have you been? Where did you go?

Мелодия, полная печали, неспешно рассказывала об утраченных чувствах. Это был последний закат современной эпохи, годы, наполненные бесконечной ностальгией и сожалением, которые наконец были безжалостно оставлены в прошлом, и теперь остался только этот пустой и бессильный крик.

Хань Чжоу, полулежа на сиденье, смотрел на мир через узкую щель своих глаз. Теплый полумрак салона отделял его от внешней тьмы, за окном мелькали улицы и тени деревьев, холодный ветер яростно бил в стекло, но не оставлял следов. Эта сцена идеально подходила к песне «Old Money», и эта песня, казалось, была создана для Цзинь Шуаня.

Хань Чжоу посмотрел на Цзинь Шуаня за рулем и вдруг почувствовал, что в его сердце скрывается усталое солнце. Он поднял руку и похлопал его по плечу, а Цзинь Шуань в ответ улыбнулся.

Хань Чжоу провел ночь в гостевой комнате дома Цзинь Шуаня. Цзинь Шуань хотел помочь ему снять грязную одежду, но, постояв у кровати и подумав, решил, что это будет неловко, и оставил все как есть. Хань Чжоу же, проснувшись среди ночи весь в поту, с трудом сбросил с себя толстую одежду, которая сковывала его движения.

На следующее утро Хань Чжоу открыл глаза уже после десяти. Он сел на кровати, зевнул и сбросил одеяло, обнажив стройный торс.

— Черт... — Хань Чжоу вздрогнул, откинув оставшееся одеяло, и убедился, что действительно голый.

Он глубоко вздохнул, прижал ладонь ко лбу и начал потихоньку вспоминать события прошлой ночи.

На самом деле все, что произошло вчера, было более или менее нормально, за исключением инцидента с WeChat, который был немного неловким.

К счастью, Хань Чжоу уже протрезвел и не собирался смущаться из-за ошибочного сообщения перед Цзинь Шуанем. Если бы он так поступил, это выглядело бы так, будто у него были нечистые намерения, поэтому он решил забыть об этом. Ему нужно было только помнить, что Цзинь Шуань, несмотря на поздний час, не пожалел сил, чтобы забрать его, и даже позволил ему спать в своей кровати в грязной одежде. Этого было достаточно.

Мягкий свет проникал сквозь шторы, и он увидел рядом сложенную пижаму с запиской. Цзинь Шуань аккуратным почерком написал: «Пижамы новые, средства для умывания в ванной тоже. Еда на кухне. Я в кабинете.»

Пижамы были Цзинь Шуаня, на размер больше, и Хань Чжоу, надев этот слегка спадающий с плеч сине-зеленый шелковый халат с цветочным узором, пошел стучаться в дверь кабинета.

— Проснулся? — Цзинь Шуань отложил ручку и посмотрел на Хань Чжоу, который, еще не приведя в порядок волосы, прислонился к двери и поздоровался. В этот момент он почувствовал легкое волнение.

— Да, проснулся, — Хань Чжоу почесал заднюю часть шеи и зевнул. Ему было немного неловко. — Вчера тебе пришлось повозиться.

— Ничего, — Цзинь Шуань указал на маленький диван напротив. — Поел? Завтрак, наверное, еще теплый.

— Не спешу, сначала хотел тебе кое-что сказать, — Хань Чжоу сделал паузу, затем, заходя в комнату, сказал:

— Дом хороший, больше подходит тебе, чем я думал.

— А как ты раньше думал? — Цзинь Шуань с интересом посмотрел на него.

На самом деле Хань Чжоу раньше представлял дом Цзинь Шуаня как нечто сверхроскошное, в стиле старинного замка, или же как полностью серое, минималистичное пространство, где

комнаты разделены четкими линиями, а мебель, хоть и дизайнерская, но неудобная. В общем, место, где чувствуешь себя скованно и не хочется задерживаться.

Но теперь, оказавшись здесь, он понял, что этот дом, хоть и действительно большой и чистый, оказался более уютным, чем он ожидал.

От спальни до кухни, от гостиной до кабинета — белые стены и потолок в сочетании с металлическими акцентами создавали теплое и стильное пространство. Многие предметы интерьера выглядели разновременными, не как намеренно антикварные, а как настоящие, с историей. Повсюду были разбросаны мелкие безделушки, создавая слоистый и интересный вид. Находиться здесь было комфортно, и возникало чувство, будто вернулся домой.

— Я думал, у тебя дома будет мало жизни, — Хань Чжоу, сидя на диване, улыбнулся.

— В Скандинавии любят минимализм, — Цзинь Шуань встал и налил ему стакан воды. — Сейчас многие в Китае тоже стремятся к этому стилю, но для меня он кажется слишком холодным, не по душе.

— Эх, тут мы с тобой солидарны, — Хань Чжоу пил воду, будто это был алкоголь, выпив весь стакан залпом. Он вспомнил свой дом, оформленный как попало, и, размахивая руками, сказал:

— У меня есть друг, у которого дом оформлен в каком-то непонятном стиле, но очень пусто.

— Однажды мы играли у него в маджонг, и я действительно почувствовал, что значит ходить по тонкому льду. Пол был белый, это понятно, но зачем он положил белый ковер под стол для маджонга?! В тот вечер я проиграл три тысячи, главным образом потому, что все внимание было на тапочках, чтобы не испачкать пол. На следующее утро я десять минут складывал одеяло, иначе чувствовал бы себя виноватым.

Он махнул рукой, на лице появилось выражение досады.

— А этот друг еще и нас критиковал, говорил, что ненавидит, когда дом оформляют в индустриальном стиле, с кучей бетона, кирпичей и ржавых труб, мол, это лишено жизни. Ну, как говорится, каждому свое!

Хань Чжоу сидел у окна, и яркий солнечный свет окрашивал его волосы в легкий желтоватый оттенок, делая глаза ярче. Цзинь Шуань смотрел на него, слушая его болтовню, и чувствовал себя невероятно уютно и полно.

<http://bllate.org/book/15564/1415499>